

УДК 947(470.57)«XX»:77
ББК 37.94:63.3(2Рос.Баш)

Дата поступления статьи: 23.05.2024
Дата принятия статьи: 03.07.2024

ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ФОТОГРАФА НАЧАЛА XX В. А.А. ЗИРАХА

Булат Ахмерович Азнабаев

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
E-mail: azbulatt@mail.ru

Юлия Владимировна Шарипова

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
E-mail: Sharipova2085@gmail.com

Аннотация. В краеведческой литературе творчество провинциального уфимского фотографа начала XX в. А.А. Зираха не выходит за рамки описательного дискурса. Однако мы полагаем, что оно представляет собой феномен, нуждающийся в интерпретации с исторической и культурологической точек зрения. Мы попытались понять, что подвигло мелкого страхового служащего бескорыстно отдать последнее десятилетие своей жизни фотографии. Сам анализ фотографий А.А. Зираха обусловил обращение к проблеме различия между историей и памятью. Сохранившиеся фотографии свидетельствуют о том, что А.А. Зираха в меньшей степени интересовали события, нежели архитектура и ландшафт города. Это подтверждает тезис о том, что художник рассматривал свою коллекцию в качестве инструмента памяти, но не в формате исторического источника. Память, в отличие от истории, – область индивидуального восприятия. В этом отношении наша позиция расходится с представителями концепции «места памяти». Природа творчества А.А. Зираха сопряжена с проблемой отношения русской интеллигенции к провинции. Мы полагаем, что определяющим настроением провинциального хронотопа является однообразие. Но время неподвластно творческой личности. В провинции интеллигент лишен возможности выступать в качестве субъекта исторических процессов. Однообразие и бессобытийность времени захолустья меняются только под воздействием центра. Напротив, однообразие, а следовательно, и бессмысленность ландшафта окраины поддаются творческому преобразованию. Вырывая из монотонной среды привычные городские объекты посредством фотографии, А.А. Зирах заставляет акцентировать на них внимание, подметить уникальность и тем самым разрушить анонимность городского ландшафта.

Ключевые слова: теория фотографии, Уфа начала XX в., А.А. Зирах, архитектура, память

Цитирование: *Азнабаев Б.А., Шарипова Ю.В.* Истоки творчества провинциального фотографа начала XX в. А.А. Зираха // Известия УФИЦ РАН. Серия: История. Филология. Культура. 2024. Т. 1. № 3. С. 236–243. DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.3.026>

UDC 947(470.57)«XX»:77
LBC 37.94:63.3(2Рос.Баш)

Submitted: 23.05.2024
Accepted: 03.07.2024

THE ORIGINS OF THE CREATIVITY OF A PROVINCIAL PHOTOGRAPHER OF THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY A.A. ZIRAH

Bulat A. Aznabaev

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
E-mail: azbulatt@mail.ru

Yuliya V. Sharipova

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
E-mail: Sharipova2085@gmail.com

© Азнабаев Б.А., Шарипова Ю.В., 2024.

Abstract. The work of the provincial Ufa photographer of the early XX century A.A. Zirakh does not go beyond the descriptive discourse in the literature of local lore. However, we believe that it is a phenomenon that needs to be interpreted from a historical and cultural point of view. We tried to understand what a small insurance employee was motivated by to selflessly give the last decade of his life to photography. The very analysis of photographs by A.A. Zirakh led to an appeal to the problem of the difference between history and memory. The surviving photographs indicate that A.A. Zirakh was more interested in the architecture and landscape of the city than in the events. This confirms the thesis that the artist considered his collection as a tool of memory, but not as a historical source. Memory, unlike history, is an area of individual perception. In this regard, our attitude differs from the one of the representatives of the “place of memory” concept.

The nature of A.A. Zirakh’s work is associated with the problem of the attitude of the Russian intelligentsia to the province. We believe that monotony is the defining mood of the provincial chronotope. But a creative person can’t control the time. A scholar is deprived of the opportunity to act as a subject of historical processes in province. The monotony and eventlessness of backwater time are changed only under the influence of the center. On the contrary, the monotony and, consequently, the meaninglessness of the landscape of the outskirts are amenable to creative transformation. Breaking out of the monotonous environment of familiar urban objects through photography, A.A. Zirakh forces to focus attention on them, to notice the uniqueness and thereby destroy the anonymity of the urban landscape.

Keywords: theory of photography, Ufa at the beginning of the 20th century, A.A. Zirakh, architecture, memory

Citation: Aznabaev, B.A., Sharipova, Yu. V., 2024, “The origins of the creativity of a provincial photographer of the beginning of the 20th century A.A. Zirakh”, *Proceedings of the UFRC RAS. Series: History. Philology. Culture*, vol. 1, no. 3, pp. 236–243. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.3.026>

Введение

В последние десятилетия в связи с накоплением достаточного количества фотодокументов, постепенным совершенствованием опыта их источниковедческого анализа и их специфики как особого визуального документа, а также развитием информационных технологий, делающих такие документы доступными широкому кругу исследователей, фотографии стали рассматриваться в качестве полноправного инструмента памяти [Главацкая, 2012].

Благодаря региональным историкам и краеведам постперестроечного периода история фотографии в Уфимской губернии конца XIX – начала XX в. становится объектом специального изучения [Сусоева, 2018]. В последние годы в результате исследований П.В. Егорова [Егоров, 2006], О.О. Сусоевой, В.К. Федорова были достигнуты существенные успехи в изучении фотографии Уфы конца XIX – начала XX в.

До настоящего времени отсутствуют специальные работы, посвященные исследованию мотивов, побуждавших Аполлония Александровича Зираха (1855–1919 гг.) отдавать свое время и силы любительской фотографии, вместе с тем уфимским краеведам это имя хорошо известно [Буравцов, 2011; Нигмагуллина, 2007; Черкалин 2023].

Документальные свидетельства о его жизни сохранились в Национальном архиве Республики Башкортостан, поэтому историк без труда воссоздаст значительные страницы его биографии [НА РБ. Ф. 173. Оп. 2. Д. 822. Л. 167–171].

Фотограф родился в 1855 г. в Бузулуке. В Уфу переселился в 1896 г. и служил в страховом отделе сначала Уфимского земства, а с 1918 г. – в Совете народного хозяйства. В 1905 г. попал в картотеку жандармского управления за связь с уфимскими эсерами. При этом главное дело его жизни – увлечение фотографией – почти не нашло никакого отражения в документальных источниках дореволюционной поры. О Зирахе как фотографe мы можем судить только по его собственным снимкам. Анализируя его творчество, отметим два важных обстоятельства. Во-первых, фотограф не был профессионалом, фотографией он никогда не зарабатывал. Во-вторых, Зираху была присуща настоящая одержимость фотографией. Снимал он с 1908 по 1919 г. За это время сделал несколько тысяч кадров, хранившихся на стеклянных фотопластинках. Объектом внимания фотографа, как правило, выступают городские кварталы, улицы, отдельные дома. Реже Зирах направляет объектив своей камеры на то, что принято называть «событием»: крестные ходы, демонстрации, похороны и т. д. Таким образом, автора интересует именно город. По-видимому, происшествия, имевшие место в Уфе, привлекали внимание Зираха только тем, что они вписывались в ландшафт города.

Между тем в конце XIX – начале XX в. Уфа едва ли могла похвастаться выдающимися достопримечательностями. А.П. Чехов, приехавший в Уфимскую губернию на кумысолечение, не захотел даже побывать в Уфе перед отъездом в санаторий. Его супруга О.Л. Книппер, посетившая город с целью приобретения необходимых в санатории вещей, ограничилась коротким комментарием: «Вот яма-то эта Уфа! Пекло, духота, пыль!» [Рейфилд, 2007. С. 719]. Тем не менее Зирах увидел в Уфе красоту, достойную увековечивания в каждом, самом непримечательном на первый взгляд квартале, административном здании, городском парке, овраге, берегу реки Белой и т. д.

Основная часть

Постановка проблемы

В статье мы попытались исследовать мотивы, побуждавшие А.А. Зираха целенаправленно, на протяжении 11 лет, делать снимки Уфы.

Начнем с того, что Зирах увлекся фотографией весьма в зрелом, по меркам рубежа веков, возрасте – в 53 года. По этой причине едва ли страсть Зираха к фотографированию была навеяна модой или стремлением капитализировать свое увлечение. Насколько известно, Зирах никогда не предлагал свои снимки газетам, журналам и типографиям, но в завещании указал, что все негативы должны быть переданы в Башкирский центральный музей. Это свидетельствует о том, что фотограф считал свою коллекцию документом памяти об Уфе. Мемориальная мотивация в определенной степени объясняется самой биографией Зираха. Он приезжает в Уфу в период строительного бума, сопоставимого по масштабам с плановым строительством 50–60-х гг. XX в. или коммерческой застройкой первых десятилетий XXI в.

Если в начале XX в. в Уфе проживало около 60 тыс. человек, то к 1917 г. численность населения почти удвоилась. Однако гораздо более разительными были перемены во внешнем облике города. В 1900 г. в Уфе насчитывалось 247 каменных зданий. К 1917 г. их количество возросло до 1 530. Центральные улицы города сплошь покрылись строительными лесами. Некогда обширные пустыри уфимских улиц стремительно застраивались доходными домами и казенными корпусами. По-видимому, именно эта динамически меняющаяся реальность могла повлиять на стремление запечатлеть, сохранить ее в фотографии. Вместе с тем Зираха как будто не интересует сам процесс изменения облика Уфы. Он не снимает стройки, не фиксирует привычные для зрителя трансформации объекта «было» – «стало». Таким образом, не история города, т. е. развитие, fasciniрует фотографа, а только память о нем.

Почему именно фотографию выбрал в качестве инструмента памяти уфимский служащий земства? Следует отметить, что с письменной памятью в Уфе начиная с XVIII в. все обстояло благополучно. В России автором одного из первых дневников, принадлежащих провинциальному чиновничеству, был уфимец М.С. Ребелинский, прилежно записывавший события городской жизни конца XVIII – начала XIX в. [Дневник..., 2017]. Отметим, что локальные источники личного происхождения, написанные уфимцами в начале XX в., встречаются намного реже. Периодическая печать вытеснила мемуарный жанр, а всякого рода слухи или происшествия, которые не могли быть отражены в газетах и журналах, переместились в эпистолярные источники.

История и память

Выбор Зирахом фотографии, на наш взгляд, был обусловлен самим ее свойством. Французский историк Жак Ле Гофф подметил принципиальную особенность фотографии как «технологии» памяти. Он указал, во-первых, на ее демократичность [Ле Гофф, 2013. С. 82]. Снимать может любой, фотограф не обязан соответствовать чьим-либо представлениям об объекте снимка. Отсутствовал заказчик, ведь никто не уполномочивал Зираха вести фотографическую летопись города. Кроме того, Ле Гофф указывает на точность, прежде недоступную для иных технологий сохранения памяти. Обратим внимание на то, что Ле Гофф говорит о фотографии не как об историческом источнике, а как об инструменте памяти.

Следует уточнить, что между историей и памятью имеется существенное различие. Х. Вельцер обратил внимание на то, что, в отличие от истории, память сугубо функциональна. Она необходима для того, чтобы справляться с жизнью в настоящем [Вельцер, 2005. С. 41], т. е. в фотографии в большей степени нуждаются не общественные институты и политические структуры, а человек на уровне семьи, ограниченного круга близких.

Удивительным образом трактовка фотографии Вельцером созвучна определению истины у Ницше – «полезное заблуждение, необходимое для выживания определенного рода живых существ» [Ницше, 2011. С. 243].

Следует ли, исходя из этого совпадения, признать сотериологическое значение фотографии? В предисловии к книге Р. Барта «Camera lucida», одном из самых глубоких трактатов о фотографии, отмечено, что основной пафос «Светлой камеры» на самом деле жизнеутверждающий, несмотря на постоянное обращение к теме смерти, ибо фотография в трактате Барта предстает не носителем иллюзий,

а гарантом острого ощущения жизни благодаря своей способности поворачивать вспять ход времени, не давая угаснуть чувству любви, источнику жизни [Барт, 2011. С. 19].

Именно очевидное выражение любви, по мнению Ролана Барта, отличает фотографию от истории. Хотя фотография и история появились в XIX в., они различны. История, как микстура, фабрикуется по положительным рецептам. История – интеллектуальный дискурс, устраняющий мифологическое время. Фотография – надежное и мимолетное свидетельство, свидетельство любви и памяти.

Барт отмечает, что эра фотографии является одновременно эрой революций, протестов, покушений, взрывов, короче, всего того, что отрицает медленное вызревание [Барт, 2011. С. 166]. Но, случайно или нет, из всего многообразия сюжетов, запечатленных Зирахом, до нас дошли в основном городские виды Уфы. Как уже было отмечено, исторические события представлены крайне скудно. При этом Зирах не только состоял в партии эсеров, а являлся одним из четырех служащих уфимского земства, выступивших против бойкота советской власти в 1918 г. и демонстративно вышедших на службу [Нигматуллина, 2007. С. 218].

Таким образом, Зирах не только живет в истории, но и участвует в ней. В повседневной жизни он – член одной из самых радикальных партий, он неспешно, с большой любовью фотографирует уфимские храмы, городские парки, здания и т. д.

Тяжелая поступь истории отпечатывалась в лозунгах листовок и транспарантов, но Зирах старается запечатлеть то, что противостоит сиюминутной актуальности. Историк и философ Ф. Анкерсмит полагает, что если понятие «история» обладает аурой неотвратимого, неизбежного рока, то память дает нам опыт некоего повторного испытания воскрешенного ею прошлого [Анкерсмит, 2007. С. 144], т. е. память – это всегда возможность возвращения в прошлое.

Однако наиболее точно определил место фотографии в качестве инструмента памяти В. Беньямин в «Краткой истории фотографии» [Беньямин, 2013]. Он отметил ее открытость, неопределенность и то, что фотография вызывает у нас убежденность, что в данный момент мы – современники изображенной на ней сцены.

Характеризуя творчество Атже (актера XIX в., переквалифицировавшегося в фотографа), Беньямин указывает на почти полное отсутствие людей на его снимках. Как было отмечено выше, Зирах стремился фотографировать уфимские локации по возможности в безлюдное время. Беньямин настаивает на том, что это не пустота, а отсутствие настроения: «Город на этих снимках очищен, словно квартира, в которую еще не въехали новые жильцы» [Беньямин, 2013. С. 99]. Эта пустота необходима для подавления «шума и ярости» истории, ведь люди на фотографиях всегда денотаты перемен. Даже если не обращать внимания на моду и характерные позы, зритель прочтет в выражениях лиц ауру, созвучную эпохе, ее настроению. О вневременности, пустынности Петербурга писал И.А. Бродский в «Путеводителе по переименованному городу»: «Эти камни не имеют ничего общего с настоящим, еще меньше с будущим. Чем глубже погружаются фасады в XX век, тем неприступнее они выглядят, не обращая внимания на эти новые времена и их заботы» [Бродский, 2021. С. 118]. В большинстве своих снимков Зирах демонстрирует свое безразличие к истории как процессу. Фотографии парков и храмов – отметины памяти, срез застывшей реальности, отрешенной от движения времени.

Эссе Бродского предваряется эпиграфом Сьюзи Зонтаг. Будучи автором одного из самых авторитетных исследований в области теории фотографии, Зонтаг утверждает, что сфотографировать – значит присвоить фотографируемое. А это значит поставить себя в некие отношения с миром, которые ощущаются как знание, а следовательно, как сила [Зонтаг, 2013. С. 18]. Но «присвоение» в данном контексте трактуется как частное, индивидуальное действие. В подобном случае возникает резонный вопрос: в какой степени фотография способствует формированию коллективной памяти? С 80-х гг. XX в. мы благодаря работам Пьера Нора узнали о существовании не только коллективной, но и национальной памяти [Нора, 1999]. Однако сама концепция Нора, построенная на символизме, вызывает обоснованные вопросы. К примеру, Ф. Анкерсмит убедительно доказывает, что коллективная память – метафора и ничего более [Анкерсмит, 2007. С. 218]. Он полагает, что памятью обладает индивид.

Но если фотография – результат индивидуального присвоения памяти, то какую цель преследует этот акт? Мы выдвигаем положение, согласно которому творчество Зираха следует рассматривать в контексте отношения интеллигента к провинциальному городу начала XX в.

Российская провинция традиционно противостоит столицам, как память противостоит истории. По-настоящему судьбоносные перемены происходят только в столицах. Провинция, насколько это возможно, сопротивляется истории. Если революции – удел столиц, то мятежи и бунты всегда начинаются в провинции. Однако крестьянские войны имели глубоко консервативную идею: вернуть мифический «золотой век», остановить губительную для простого народа «новизну», исходящую из центра.

Философское осмысление отношения интеллигенции к русской провинции нашло свое отражение в основном в работах последних двадцати лет [Паршина, 2020]. Авторы отмечают различные аспекты, определяющие специфическое восприятие интеллигенцией российской провинции. К примеру, в

коллективной статье «Русская провинция в философском дискурсе: концептуализация метафоры» [Злотникова и др., 2014] отмечается, что одно из главных настроений провинциальной жизни – скука. Причинами подобного настроения являются безграничные пространства, протяженность времени и одиночество [Злотникова и др., 2014. С. 130].

Сущность провинциального хронотопа

Мы считаем, что сущностью хронотопа провинции является однообразие. Оно приобретает абсолютное значение в безсобытийности времени и монотонности ландшафта. К примеру, А.П. Чехов не видел различий в провинциальных городах: «В России все города одинаковы. Екатеринбург такой же точно, как Пермь или Тула. Похож и на Сумы, и на Гадяч» [Чехов, 1976. С. 72]. Известный библиофил и археолог С.Р. Минцлов, посетивший Уфу по долгу службы в 1910 г., не нашел ничего примечательного в облике города: «Бродил по Уфе; осматривать в ней, собственно говоря, нечего; дома в большинстве, т. е. вернее – за редкими исключениями, сплошь деревянные. Зелени в городе мало, но есть парк; грязь в изобилии» [Минцлов, 1915. С. 9]. Минцлов 9 раз употребляет слово «грязь» в разных формах при описании Уфы, однако едва ли грязь на улицах города являлась его уникальной особенностью.

Авторы, изучавшие образы провинциальных городов в русской литературе, также отмечают их поразительную обобщенность и даже безымянность. А.Ф. Белоусов подчеркивает, что в текстах у городов часто отсутствует имя, которое индивидуализирует город, делает его единичным и уникальным [Белоусов, 2003].

Однообразием пронизано и ощущение времени в провинциальном городе. Но это местное время нельзя назвать безсобытийным, как его определяет Н.Б. Назарова [Назарова, 2008]. Упомянутый выше Ребелинский счел для себя необходимым в течение 20 лет фиксировать события местной жизни. Минцлов упоминает убийство в Уфе губернатора Богдановича, приговоренного к казни местными эсерами в ответ на расстрел златоустовских рабочих. Однако эти происшествия не имеют никакого отношения к истории, поскольку они не приводят к изменениям, не являются причиной трансформации провинциальной жизни. В провинциальном городе все по-настоящему исторические процессы обуславливаются столицей. Провинциальная жизнь вторична. Неслучайно все реформы и революции осуществляются здесь с временным лагом. Октябрьская революция в провинции интерпретируется как «триумфальное шествие», начатое в Петрограде. Историей обладает только тот, кто ее делает. Но провинция в России всегда объект исторических свершений. Впрочем, ирония истории заключается в том, что Уфа на два месяца (октябрь–ноябрь 1918) действительно стала столицей России, обретя наконец-то статус субъекта истории. Временное Всероссийское правительство заседало в Уфе в Сибирской гостинице, которую до революции неоднократно фотографировал Зирах. Таким образом, провинциальный хронотоп – это пространственно-временной континуум однообразия, лишённого какой-либо уникальности и неповторимости.

В философском и биологическом отношении феномен «однообразия» изучен в статье М.И. Гуламова [Гуламов, 2022]. Автор определяет однообразие как такое «разнообразие», которое мы никогда не можем понять и видеть как обычное разнообразие, поэтому, чтобы как-то объяснить неизвестное нам состояние, мы классифицируем его как однообразие. Следовательно, однообразие характеризуется тем, что оно не может быть понято, т. е. оно лишено смысла. Далее М.И. Гуламов отмечает, что только разнообразие является условием развития, в то время как однообразие принадлежит «мертвой зоне».

Однако возвратимся к вопросу о том, как может провинциальная интеллигенция противостоять хронотопу однообразия? Повторимся: судьбоносные изменения в российской провинции происходят только под воздействием событий в столицах. Если провинциальный интеллигент испытывал тягу к участию в истории, он переезжал в Петроград или Москву. Именно так поступил управляющий имениями князя В.А. Кугушева в Уфимской губернии А.Д. Цюрупа.

Но противостоять однообразию пространства вполне по силам даже одиночке-провинциалу. Как было уже отмечено, Зирах стремился выявить уникальность и неповторимость локаций Уфы. Его фотография не копирует, но преобразует городской ландшафт. Вместе с тем, как отмечает С. Зонтаг, фотография не просто преобразует реальность, но добавляет к ней громадное количество материала, которого мы вообще не видим. Как отмечают специалисты в области фотографии, Зирах стремился к идеальному сочетанию света и прозрачности воздуха, создавая уникальные кадры старых храмов [Черкалин, 2023. С. 20].

Выводы

Преобразовывая с помощью фотографии реальность, Зирах не просто придавал ей эстетически неповторимый характер. Творчество наделяло смыслом существования самого фотографа через признание его деятельности окружающими. П. Рикёр в своей работе «Путь признания», полемизируя с Гоббсом, указывает, что необходимо заменить взаимное признание, рожденное из борьбы, признанием,

возникающим из обоюдного дарения, сменить притязания на признанность принятием Другого, оформленным через символический обмен дарами [Рикёр, 2010. С. 208].

Эта характеристика П. Рикёра очень точно соответствует жизни и деятельности А.А. Зираха. Он никогда не стремился быть профессионалом, но это не говорит о том, что фотограф не стремился к общественному признанию. В 1912 г. он получил приз на одной из престижных фотовыставок за художественность своих снимков Уфы. Завещание всей своей коллекции музею – это последнее признание в любви к городу и надежда на признание его творчества согражданами.

Однако не только тягой к признанию руководствовался провинциальный фотограф. Эстетизируя, на первый взгляд, непримечательные храмы, улицы и парки, Зирах наделял смыслом свое существование. Секуляризованное сознание провинциального интеллигента видело в творчестве выход из «мертвой зоны» однообразия, «ибо только как эстетический феномен бытие и мир оправданы в вечности» [Ницше, 2020. С. 54].

ИСТОЧНИКИ

Национальный архив РБ (НА РБ). Ф. 173. Оп. 2. Д. 822.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анкерсмит Ф.Р.* Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.
- Барт Р.* Camera lucida. Комментарий к фотографии. М.: Ad Marginem Press, 2011. 272 с.
- Белоусов А.Ф.* Символика захолустья (обозначение российского провинциального города) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 243–256.
- Беньямин В.* Краткая история фотографии. М.: Ad Marginem Press, 2013. 115 с.
- Бродский И.А.* Путеводитель по переименованному городу = A Guide to a Renamed City. СПб.: ИГ Лениздат, 2021. 224 с.
- Буравцов В.Н.* Начало фотографии в Уфе // Река времени: сб. статей. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 102–112.
- Вельцер Х.* История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. С. 40–41.
- Главацкая Е.М.* Фотодокументы как исторический источник: опыт атрибуции, критического анализа и научного цитирования // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. № 1 (99). С. 217–225.
- Гуламов И.К.* Размышления о природе разнообразия // Universum: химия и биология. 2022. № 4. С. 5–20.
- Дневник уфимского чиновника М.С. Ребелинского.* Уфа: Полиграфдизайн, 2018. 423 с.
- Егоров П.В.* Доходный дом Сахарова // Уфа: страницы истории / Сост. М.В. Агеева. Уфа: Китап, 2006. С. 177–180.
- Злотникова Т.С., Ерохина Т.И., Летина Н.Н., Киященко Л.П.* Русская провинция в философском дискурсе: концептуализация метафоры // Вопросы философии. 2014. № 11. С. 126–136.
- Зонтаг С.* О фотографии. М.: Ad Marginem Press, 2013. 272 с.
- Ле Гофф Ж.* История и память. М.: РОССПЭН, 2013. 303 с.
- Минцлов С.Р.* Дебри жизни: дневник, 1910–1915 г.г.: Урал. Новгород. Малороссия. Берлин: Сибирское книгоиздательство, 1915. 396 с.
- Назарова Н.Б.* Скука и провинция в русском самосознании (на материале русской классической литературы) // Вестник Мордовского университета. 2008. № 3. С. 315–317.
- Нигматуллина И.В.* О фотографе А.А. Зирахе и его уникальной коллекции об Уфе // Старая Уфа: Историко-краеведческий очерк. Уфа: Белая река, 2007. С. 217–219.
- Ницше Ф.* Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей. Собр. соч.: в 5 т. Т. 4. СПб.: Азбука, 2011. 384 с.
- Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.
- Паришина О.Д.* Изучение феномена провинции в гуманитарных науках: аналитический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 16–129.
- Рейфилд Д.* Жизнь Антона Чехова. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2007. 784 с.
- Рикёр П.* Путь признания. Три очерка. М.: РОССПЭН, 2010. 268 с.
- Сусоева О.О.* Фотодело в Уфимской губернии конца XIX – начала XX века в региональных и краеведческих исследованиях // Проблемы исторической регионалистики в источниковедении, историографии, теоретической истории. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых, Республика Башкортостан,

г. Стерлитамак, 12 апреля 2018 года / Отв. ред. Д.П. Самородов. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2018. С. 142–146.

Черкалин А. Кудесник светописи // Бельские просторы. 2023. № 1. С. 19–23.

Чехов А.И. Полное собрание сочинений и писем в 30 т.: письма в 12 т. Т. 4. М.: Наука, 1976. 655 с.

REFERENCES

- Ankersmit, F.R. 2007, *Sublime Historical Experience*. Europe, Moscow, 612 p. (In Russ.)
- Bart, R. 2011, *Camera lucida. Commentary on the photo*. Ad Marginem Press, Moscow, 272 p. (In Russ.)
- Belousov, A.F. 2003, “Symbolism of the backwoods (designation of a Russian provincial town)”, *Geopanorama russkoy kul'tury: Provintsiya i yeye lokal'nyye teksty* (“Geopanorama of Russian culture: The province and its local texts”), Languages of Slavic culture, Moscow, pp. 243–256. (In Russ.)
- Benjamin, V. 2013, *A Brief History of Photography*. Ad Marginem Press, Moscow, 115 p. (In Russ.)
- Brodsky, I.A. 2021, *A Guide to a Renamed City*. IG Lenizdat, St. Petersburg, 224 p. (In Russ., Eng.)
- Buravtsov, V.N. 2011, “The beginning of photography in Ufa”, *Reka vremeni* (“River of Time”), IYal UNC RAN, Ufa, pp. 102–112. (In Russ.)
- Chekhov, A.P. 1976, *Complete set of Works and Letters in 30 volumes: Letters in 12 volumes*. Vol. 4. Nauka, Moscow, 655 p. (In Russ.)
- Cherkalin, A. 2023, “Magician of Light Painting”, *Belsky expanses*, no. 1, pp. 19–23. (In Russ.)
- Diary of the Ufa bureaucrat M.S. Rebelinsky. Polygraphdesign, Ufa, 2018, 423 p. (In Russ.)
- Egorov, P.V. 2006, “Sakharov’s apartment building”, Ufa: Stranitsy istorii (“Ufa: pages of history”), Kitap, Ufa, pp. 177–180. (In Russ.)
- Glavatskaya, E.M. 2012, “Photographic documents as a historical source: on attribution, critical analysis and citation”, *Bulletin of the Ural Federal University. Series 2: Humanities*, no. 1 (99), pp. 217–225. (In Russ.)
- Gulamov, I.K. 2022, “Reflections on the nature of diversity”, *Universum: chemistry and biology*, no. 4, pp. 5–20. (In Russ.)
- Le Goff, J. 2013, *History and Memory*. ROSSPEN, Moscow, 303 p. (In Russ.)
- Mintzlov, S.R. 1915, *Wilds of life: diary, 1910–15: Ural. Novgorod. Little Russia*. Siberian Publishing House, Berlin, 396 p. (In Russ.)
- Nazarova, N.B. 2008, “Boredom and the province in Russian self-awareness (based on Russian classical literature)”, *Bulletin of the Mordovian University*, no. 3, pp. 315–317. (In Russ.)
- Nietzsche, F. 2011, *The Will to Power: An Experience of Revaluation of All Values*. Collected Works: in 5 volumes. Vol. 4. Azbuka, St. Petersburg, 384 p. (In Russ.)
- Nigmatullina, I.V. 2007, “About the photographer A.A. Zirakh and his unique collection about Ufa”, *Staraya Ufa: Istoriko-krayevedcheskiy ocherk* (“Old Ufa: Historical and local history essay”), Belaya Reka, Ufa, pp. 217–219. (In Russ.)
- Nora, P. 1999, “Problematics of Places of Memory”, *Frantsiya-pamyat'* (“France-Memory”), Publishing House of St. Petersburg University, St. Petersburg, pp. 17–50. (In Russ.)
- Parshina, O.D. 2020, “Studying the Phenomenon of the Province in the Humanities: An Analytical Review”, *Philology. Theory and Practice*, vol. 13, no. 2, pp. 16–129. (In Russ.)
- Rayfield, D. 2007, *The Life of Anton Chekhov*. B.S.G.-Press, Moscow, 784 p. (In Russ.)
- Ricoeur, P. 2010, *The Path of Recognition. Three Essays*. ROSSPEN, Moscow, 268 p. (In Russ.)
- Sontag, S. 2013, *About Photography*. Ad Marginem Press, Moscow, 272 p. (In Russ.)
- Susoeva, O.O. 2018, “Photography in the Ufa province of the late 19th – early 20th centuries in regional and local history studies”, *Problemy istoricheskoy regionalistiki v istochnikovedenii, istoriografii, teoreticheskoy istorii. Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, magistrantov, aspirantov i molodykh uchenykh, Respublika Bashkortostan, g. Sterlitamak, 12 aprelya 2018 goda* (“Problems of historical regional studies in source studies, historiography, theoretical history. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference of students, master’s students, postgraduates and young scientists, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, April 12, 2018”), Sterlitamak branch of BashSU, Sterlitamak, pp. 142–146. (In Russ.)
- Weltser, H. 2005, “History, Memory and Modernity of the Past. Memory as an Arena of Political Struggle”, *Neprikosnovennyi zapas*, no. 2, pp. 40–41. (In Russ.)
- Zlotnikova, T.S., Erokhina, T.I., Letina, N.N., Kiyashchenko, L.P. 2014, “Russian province in philosophical discourse: conceptualization of metaphor”, *Questions of Philosophy*, no. 11, pp. 126–136. (In Russ.)

Сведения об авторах

Азнабаев Булат Ахмерович, доктор исторических наук, Уфимский университет науки и технологий, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: azbulatt@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1551-9783

Шарипова Юлия Владимировна, Уфимский университет науки и технологий, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: Sharipova2085@gmail.com, ORCID: 0009-0003-2419-839X

Information About the Authors

Bulat A. Aznabaev, Doctor Sc. (History), Ufa University of Science and Technology, the Russian Federation, Ufa. E-mail: azbulatt@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1551-9783

Yuliya V. Sharipova, Ufa University of Science and Technology, the Russian Federation, Ufa. E-mail: Sharipova2085@gmail.com, ORCID: 0009-0003-2419-839X